

18+



MOPTAZM

Ганс Цвейг

Моргазм

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56557233
ISBN 9785005110633*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Иногда я переключался между ними в поисках спасения, стремясь убежать от каких-либо неприятных и иррациональных чувств, вызванных опытом восприятия, едва ли опирающимся на объективную действительность. И теперь я уже не понимал даже того, всерьёз ли я этим занимаюсь, или просто играю от скуки. Иногда мне казалось, что кто-то играет в меня. Иногда я хотел покинуть себя. Не в смысле смерти. Да и, как оказалось, смерть не избавляет тебя от твоей личности, а совсем наоборот.

Содержание

0	6
1	8
2	20
3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Моргазм

Ганс Цвейг

© Ганс Цвейг, 2020

ISBN 978-5-0051-1063-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реклама из местного радиоэффира:

*Инновационное открытие энтертейнмента –
ГАЛЛЮЦИНОГЕННЫЕ ГРОБЫ!*

Устали от жизни, но привычная смерть вас не устраивает? У нас есть, что Вам предложить! Ложитесь и галлюцинируйте вечным сном!

В наших галлюциногенных гробах сны на любой вкус! На религиозную, эзотерическую и оккультную тематику – в зависимости от того, во что вы верили или чего боялись. Почти как эффект культового, но запрещенного психоделика, только абсолютно легально!

Галлюциногенные гробы из неопластика, манящие электричеством рейвовых оттенков, такие красивые и пугающие одновременно, сделают ваш последний сон незабываемым.

Звоните прямо сейчас 1-800-NEON-GRAVES и заказывай-

те! Количество мест ограничено. Услуга не является методом традиционной терапии, требуется консультация специалиста.

Ещё несколько мгновений назад я смотрел, словно воин, в лицо смертоносной стихии, не сулящей ничего хорошего, и уже теперь несся от неё прочь, движимый сквозь иную. Огонь сменился землей, но нас также неизменно сопровождали и оставшиеся три – вода, воздух и эфир. В том не нашлось бы совершенно никакой алхимической романтики – безудержно и неумолимо нас догонял откровенный в своём внезапном ужасе большой и опасный *шиздец*. И с каждым дрожащим прыжком мы едва от него ускользали.

Случайность или неизбежность? Ответа нет. Нависшей данности одинаково плевать и на философские измышления, и на какие-либо языковые методы её идентификации. Единственное, что по-настоящему важно – это спасение или, хотя бы, снижение потерь и, как следствие, страданий.

Когда стремительной погоней за вами спешат языки смертельного пламени, вам уже не нужны никакие сокровища этого мира, никакие красавицы и удовольствия. Всё-таки как мало на самом деле нужно для того, чтобы сделать человека счастливым – устроить ему западню, а затем спасти из неё. Нет ничего радостнее, свежее и счастливее спасения. Никакое благосостояние, богатство и роскошь не усладят бытие, в сравнении с тем, как это удаётся побегу и вызволению из стихии.

Мы бежали в прохладе туннеля, едва освещаемого тусклым факелом, совершенно не зная, что ждёт нас в конце. Увлекаемый одной лишь неизвестностью, пугающей и обезнадеживающей, я двигался по наитию. Как крыса, убегающая с корабля или финансист, выпрыгивающий из окна наутек от кризиса.

Нас не смущала ни вязкая удушающая тьма, ни вековая пыль, ни сажа. Высеченная в окаменевшей почве артерия выносила нас всё дальше от неумолимо нависшего рока. Нестерпимо болящим, ноющим бременем внутри засело осознание всего произошедшего, и ещё более жгло понимание очевидно неисправимых последствий. Оставалось то лишь немного, что выпадает в таких случаях – бежать навстречу меньшему злу. Спасаться хотя бы самим, спасаться во что бы ни стало.

Бежать по блестящей красной грязи, внутри чёрного бесконечного отрезка выталкивающей пустоты, ведущей к неизведанной и призрачной надежде.

1

Кто я вообще такой? I am the Stranger. Живущий в одном доме с такими же странниками, но мой главный спутник – моя апатия. Она разрушает меня, протекая по венам, прямо как героин. Сказать по правде, я бы сел, но, боюсь, не слезу. Кто знает, к каким последствиям это может привести. Я много читал и смотрел по теме, и не хочу такой жизни. Но и этой не хочу. Именно поэтому я решил себя убить.

Все эти панки в клубах. Я всегда думал, что они интереснее обывателей. Как итог, я ненавижу их ещё больше. На обывателей нет смысла злиться, они такие от природы, а с панками другая ситуация. Ублюдки реагируют на каждый тренд, вбрасываемый в их «движ». Я ничего не имею против панк-рока, но не такого как у них. Я люблю панк «77 и старый пост-панк. А эти недоумки не любят. Love punk, hate punk, как говорится.

Меня самого очень часто терзают противоречия. Политика, религия, музыка, человеческие отношения. Но это происходит лишь в голове, а снаружи я остаюсь примерно одинаковым. Взлохмаченный брюнет в чёрной косухе, чёрных очках и таких же чёрных джинсах. Но борьба во мне живёт, и это борьба с самим собой. Что ж, значит самоуничтожение будет означать победу в любом случае, раз уж о заключении мирного договора не может быть речи.

Они говорят: будь самим собой.

Мой ответ: не будь.

Они вопрошают: быть или не быть?

Я отвечаю: не быть.

Они говорят: делай что хочешь.

Но у меня нет четкого мнения о том, чего я действительно хочу. Это ещё одна причина расстаться с самим собой. Да и вообще, как толкуют буддисты, отсутствие желаний освобождает от страданий, как и отсутствие привязанностей. С этим тоже никаких проблем, а страдаю я от наличия, собственно, себя.

Они говорят: от себя не убежишь.

Что ж, посмотрим.

Что вообще такое самоубийство? Христианство говорит нам, что это грех. В исламе, как я слышал, признается, как вариант, сакральный суицид ради благой цели. И уж поверьте, мои намерения более чем благородны. Я собираюсь, как хирург, избавить этот мир от инородного тела в лице себя самого. Но не так, как это привыкли делать обычные люди. Я совершу это оккультным путём. Так, как предлагает сделать этот недоносок, который частенько к нам заходит.

Я нигде не учусь и не работаю. Благо, в нашей неназванной стране существует такая вещь как пособие, чему мы с моими соседями очень рады. Его мало на что хватает, но позволяет не дать дуба. Живём мы в большом и забро-

шенном загородном доме. Это почти сквот, но вроде как считается муниципальным общежитием для таких отбросов как мы. Вроде бы нет нужды жаловаться на государство, но мы всё равно считаем себя анархистами. Нет, это не юношеский максимализм, лучше уж зовите нас люмпенами. Я читал труды анархистов, и понимаю, что это система, построенная на любви и солидарности, коих у меня нет, как и желания трудиться, поэтому мне близок скорее Штирнер. Пусть работают те, кто хочет трудиться (да, различия между трудом и работой мне также известны), а я просто хочу, чтобы меня не трогали.

Всё свободное время я посвящаю себе и никому больше. Большую часть времени я забываюсь в ночных фантазиях, которые угнетают меня едва ли меньше, чем окружающая реальность после пробуждения. Проснувшись, а это почти никогда не бывает раньше полудня, я принимаю душ и спускаюсь завтракать. Иногда я встречаюсь на кухне со своими так называемыми соседями, которые также являются моими как бы друзьями. В этом есть большой плюс, в отличие от такой же жизни с предками – друзья-неудачники не кипятят мозг. Они не лезут в мои дела, и такие же аморфные как я сам.

После завтрака я поднимаюсь к себе, чаще всего с самим завтраком, и смотрю какой-нибудь очередной дерьмовый фильм на ноутбуке, чтобы прийти в себя после сна и абстрагироваться от ещё более дерьмовой реальности. Чаще

все это помогает, и уже тогда я даже могу немного прогуляться до супермаркета или в парк.

Не люблю так выражаться, ввиду наивности и одновременно пафоса этого клише, но я занимаюсь творчеством. Например, музыкой. Мы играли в группе вместе с этими полудурками, которые живут со мной. Но это продолжалось недолго. По крайней мере, не настолько, как хотелось бы. Местные чепушилы не оценили наших стараний. Это был чёрный готический плевок им в лицо, но сделанный с любовью, как в порно.

Но не тут-то было. Растерявшие последние крохи своего вкуса, спятившие от поёла и наркотиков, они требовали своего пещерного металла, состоящего из атонального шума. Ну и чёрт с ними. Если бы им нравилось, я бы, возможно, ненавидел их ещё больше.

Фрэнк был нашим гитаристом. А мне всегда нравился бас. У него более панковский звук. И более пост-панковский, конечно же. Джим сидел за барабанной стойкой. Хотя я вообще всегда был против барабанов как дикарского непотребства, лишь зря заглушающего вокал и гитарные мелодии, но у нас не было драм машины, зато был Джим с его сраной установкой. А наша полоумная красавица Глория играла на клавишах, дабы придать музыкальности нашему сырому звуку. С её характером коррелировал бы синтезатор, выдающий вместо нот разных ядовитых гадов. Наверное, все

те панки смотрели на нас только потому, что в группе была девчонка. Тупые мужланистые дикари.

У нас был вменяемый репертуар, и я пел о всех тех вещах, которые ненавижу. Я даже хотел назвать группу Hate, но это было бы слишком наивно, да и таких групп в мире, должно быть, десятки сотен, а я стремился к оригинальности. Которую всё равно, чёрт побери, не оценили эти инвалиды вкуса. Мне в пору было устроить рок-терроризм на сцене, в духе Scumfucs, Crucifucks или Stick Men With Ray Guns. Ну и других, менее или более известных безумцев. Но, на самом деле местные – те ещё ханжи и неженки. Я уверен, они бы отреагировали на такой перформанс как самые настоящие обыватели. То, чем они заслуживают если не пулю, то хотя бы металлический (или электрический) стул, раскрученный рукой, и запущенный со сцены, летящий прямо им в голову.

В общем-то, я примерно так и поступил. Это были бутылки. Началось безумие, толпа хотела разорвать нас, как и администрация клуба. Нет, не нас. Меня. Мои хреновы «друзья» принялись пугливо успокаивать обе стороны конфликта, что я расценил как нижайшее предательство, как себя в частности, так и панк-рока в целом. Я высказал им всё, когда нам удалось смыться из клуба через чёрный ход, который вёл на улицу прямо из подсобки за сценой.

– Фрэнк, ублюдок, мать твою, а я считал тебя преданным бойцом рок-н-рольного фронта!

– Но Регги, ты же мог убить кого-нибудь!

– И что? И ЧТО?! Мать твою!

– Как это что?!

– Лучший рок-концерт это тот, на котором кого-нибудь убили!

– Регги!..

– Who-эгги! Я не думал, что столкнусь с таким предательством. Вы должны ненавидеть всех этих скотов так же, как ненавижу их я!

– Но ведь среди них мой брат!

– И? Ты разве не знаком с легендой о Каине и Авеле?

– Боже мой, что ты такое говоришь!

– Ты должен был убить своего чертового брата, ты должен был разорвать их всех!

На мои реплики все лишь молча смотрели на меня. Я показал им средний палец и зашагал к остановке.

Как водится, на автобусах обычно ездит всякое отребье, тем более вечером, тем более в этой части города. Провожая знакомые массивы трущоб за окном, я абстрагировался от произошедшего благодаря музыке, играющей в наушниках. Выйдя на своей остановке, я зарулил в винный магазин, прежде чем вернуться в обитель скорби. Взял пару упаковок пива и сигарет, чтобы «отпраздновать» выступление и забыться.

Не прошло и десяти минут, как я оказался в пункте назначения. В дом, где гуляет ветер в распахнутых окнах, куда влетают брызги дождя, а по стенам ползают насекомые.

Там мрачно и сыро как на улице. На полу извечные невысыхающие лужи. Они могли бы состоять не только из воды, но из мочи и крови, возможно даже менструальной, ха-ха. В этом доме всегда сумерки, в которых можно спрятаться, раствориться и стать призраком. Там всегда темно, и есть туалет, в котором повесился кто-то из прежних жильцов, и теперь его призрак разгуливает по дому, отравляя воздух прелыми ароматами плесени и гнили. Он зовёт за собой, последовать его же примеру.

Я поднялся наверх, открыл первую банку, включил свою унылую музыку и хлебнул пива. Вроде бы всё хорошо и нет повода беспокоиться. Меня совсем не заботило то, что панки могут захотеть найти меня и разобраться. В таком случае я вспомнил бы о действующих законах, и устроил бы им то, что следует делать с теми, кто незаконно проникает на частную территорию. *Trespassers will be shot, survivors will be shoted again.* Я бы с радостью сделал панков гранжерами с помощью своего старого охотничьего ружья. Называйте меня Джонни, ублюдки!

Пиво не лезло. Отложив банку в сторону, я подошёл к шкафу и достал оттуда заначку с травой. Скрутив джоинт, я затянулся и через некоторое время выдохнул. Меня постепенно затягивало паутиной беспечной радости, с росинками паранойи, висящими на ней. Я повалился на диван и сме-

нил унылое музю на тёплый и игривый прог рок. Я лежал и затыгивался тлеющим косяком, вбивая в голову мысль, что мне кайфово. Но всё было тщетно. Я и забыл, почему так давно не притрагивался к траве. У меня начинались галлюцинации. Мне чудилось, что я вижу призраков. По крайней мере, одного точно. Дело в том, что наш дом когда-то был нормальным домом, где жили счастливые люди. По крайней мере, они такими считались. Но вряд ли были такими на самом деле, потому что муж, узнавший о измене жены, не смог жить с этим и повесился прямо в туалете. Оставшаяся семья съехала отсюда, а дом долгие годы никому не могли продать, пока он не обветшал и не стал самой настоящей заброшкой. А потом предприимчивые власти объявили его муниципальным жильём и решили заселять его всякими неудачниками, живущими на пособие.

Этот задрот, который захаживает к нам в гости, рассказал как-то, чем опасен такой дом с точки зрения эзотерики. Дело в том, что если один убивает себя, то от него расплзается метафизическая паутина, способная завлечь на суицидальную дорожку и других жителей. Не знаю, верил ли я в это, но теория показалась мне интересной. Кажется, я даже написал об этом песню. Сказать по правде, я жадно черпал сюжеты из неблагоприятных историй. А такие истории происходили на каждом шагу. Но в тот вечер я сам чуть не стал героем подобной песни.

Пока в моих венах зеленой волной переливался тетрагид-

роканнабинол, в голове пульсировали obsессии выпустить его на волю. Разумеется, это если выразаться метафорически. Я просто решил свести счёты с жизнью. Моя рука потянулась к тумбочке и достала лезвие. Несколько уверенных движений пришлось на холсты моих запястий, украсив их авангардным импрессионизмом.

Я ничего не чувствовал и просто лежал в какой-то странной дрёме, как вдруг очнулся от звука открывающейся входной двери. Это вернулись мои предатели. Впервые за весь вечер я подумал о том, что их где-то носило всё это время.

– Регги!

Голос Фрэнка разнесся по дому. О, нет, даже не думайте испортить и это, чёртовы растяпы! Но было поздно что-то предпринимать: уже были слышны шаги по лестнице.

В открывшейся двери комнаты выступил силуэт Фрэнка с испуганным лицом, когда он увидел меня лежащим на простыне, вымоченной собственной кровью. Он завопил:

– Регги, ты что, порезал вены?!

– Нет, мать твою, я попал в рай и трахнул всех 99 девственниц!

Он повернул голову в сторону лестницы и крикнул:

– Глория, скорую, быстро!

Вызванные санитары прибыли почти сразу, и у меня уже совсем не было сил сопротивляться. Меня увезли в клинику, оформив мой случай как «неудачная попытка суицида», или вроде того. А, как вы знаете, это чревато определенными

последствиями. Так я оказался в дурдоме.

Но сперва мне пришлось полежать в клинике. Мне оказали первую помощь, довели на карете в белоснежное здание бесплатной больницы и уже там устроили допрос. Я был сдержан, сил на препирательства не было. Мне забинтовали запястья, вкололи каких-то седативных и уложили спать. Ночью мне ничего не снилось, как будто я умер. Проснулся я к полудню, в палате сидели трое придурков и озабоченно улыбались. Я заорал на всю больницу:

– Долбаные супергерои, зачем вы спасли мне жизнь?!

Лицо Фрэнка сменило улыбку на испуг, и он загалдел:

– Спокойно, Регги, тебе нельзя напрягаться! Успокойся, дружище!

– Да я спокоен как удав, мать вашу! Зачем вы это сделали, чёрт побери?! Закон об оставлении человека в беде, да? Вот что вами двигало? Анархисты хреновы, вам должно быть плевать на законы!

– Регги, нет, мы сделали это потому, что ты наш друг.

– О, боже, я сейчас расплачусь! Настоящим панкам должно быть плевать на смерть! Вы никудышные во всех отношениях, и ничем не отличаетесь от той толпы в клубе. Постойте-ка... Они послали вас поквитаться со мной, да? Это так, ублюдочные ренегаты, мать вашу?

– Спокойно, Регги, конечно же это не так. – подал голос аморфный Джимми.

– Конечно. – огрызнулся я.

– Если бы мы хотели твоей смерти, то не стали бы спасать от неё. – внесла свою лепту Глория.

– Хрена с два! Вы побоялись закона, а теперь пришли, чтобы инсценировать мою смерть, рассказывая потом копам, что я умер от потери крови.

Троица молча переглянулась, и Глория снова подала голосок:

– Ты просто чёртов параноик!

– А ты чёртова стерва!

– Ладно, ребята, не нужно ссориться. – вмешался Фрэнк. – Регги, вот, мы принесли тебе твои вещи и кое-каких ништяков. Тут твои любимые сигареты, немного еды, газировка...

– Да срать я хотел! Что говорят врачи?

– Они сказали... Регги, ты только не волнуйся. Тебе придётся пройти курс психотерапии какое-то время, такие правила.

– О-о-о, мать вашу, ну теперь ясно, в чём подвох! Вы решили упечь меня в дурку. С этого и нужно было начинать.

– Нет, это не то, что ты подумал... – принялся было сглаживать углы Фрэнк, но опять вмешалась Глория:

– Нет, он всё правильно подумал! Такому психопату как он не место в обществе, ему место в тюремной психбольнице!

– О, я смотрю в анархосучке заговорил конформизм! Похвально, нечего сказать. Подцепила после перепихона с каким-нибудь хипстером?

– Что ты несёшь, псих! Ты вчера чуть не убил бедных Тони, Ронни и Донни!

– О, да что ты говоришь? Ублюдки получили по заслугам. А если ты такая сердобольная, то иди успокой их, твоих дырок как раз хватит.

После моих слов Глория встала с места и вышла из палаты, Джим неуверенно вскочил за ней. Со мной остался Фрэнк, и на его участь выпало вкушать остатки моих словесных помоев. Но у меня уже не было сил разговаривать, а обвинять раздолбаев в предательстве уже не было смысла.

2

Ещё одна вещь, которую я ненавидел, это моё имя. Если кто не в курсе, то по паспорту меня звать Регги Джихад. Ну и имечко, правда? Да и чёрт с ним, ведь оно ничего не значит. Всегда можно найти себе другое, а то и несколько, хоть на каждый день недели, как галстук, если ты офисная крыса. Я с детства придумывал себе сценическое имя, но также с детства меня окружали идиоты, для которых только имя данное при рождении имело сакральный и какой бы то ни было смысл. Самыми парадоксальными в этом плане были панки – в их обществе почти все обращались друг к другу по кличкам, но меня они называли исключительно по имени. Даже когда я представлялся своим сценическим именем, они постоянно интересовались, как меня зовут «на самом деле». «На самом деле это не твоё собачье дело, кусок обезьяньего дерьма», вот что следовало отвечать каждому из них. Но я до поры до времени пытался влиться в тусовку ради своих целей, поэтому вёл себя вежливо, если вообще уместно говорить это касаясь общества панков. По началу они мне нравились, и иной раз я даже чувствовал себя частью движа, но пелена иллюзии быстро спадала, когда речь заходила о разности музыкальных вкусов.

Я не выкупал, какого чёрта панки должны слушать, а уж тем более любить регги и ска. Да, по иронии судьбы я ненави-

дел регги. Панк – это музыка тьмы, так какого чёрта им любить музыку света?! А уж тем более ска. Больше ска я ненавидел только джаз. Хуже всего этого была лишь их увлеченность некоторыми видами рэпа, метала и так называемого рейва. В тот момент я понял, что это те же самые обыватели, и их идеи о построении утопического социализма – это то дерьмо, от которого я бежал к панкам. И я навсегда осознал, что инороден этому, с позволения сказать, обществу.

Но деваться было некуда, и в нашем городишке отсутствовала альтернатива этой движухе и обывательскому социуму. С грехом пополам я нашёл тех трёх неудачников, которые тоже тёрлись около движа. Им было предложено мной собрать группу и по «счастливному» стечению обстоятельств нас поселили жить вместе. Мы ещё удивлялись, что так удобно получилось, но я всегда чувствовал в этом какой-то подвох. Впрочем, оно не так уж важно.

Чутка отколовшись от общества панков, мы стали уделять всё своё время нашей музыке и, конечно же, попойкам и упоркам между ними. Я не умел играть на чём-либо, но Фрэнк показал мне, как лабать на басу, и я стал их Сидом. Не Барреттом, к сожалению.

На самом деле, мне всегда хотелось играть красивую и мелодичную музыку, но я был уже давно отравлен энергией панка, поэтому пришлось искать компромисс. И мы стали играть севентисевен/постпанкх. Группу назвали 77Up, как насмешку над консюмеризмом. Но, разумеется, это была

просто война с ветряными мельницами, ведь любой панк-протест в музыке и текстах почти никогда не выходит за рамки панк-движа, а если и удавалось, то только в роли очередного товара на прилавке для мажоров.

И вот, за год существования в андерграунде мы написали достаточно песен для выступления. Как я уже упоминал, все тексты были, в основном, о тех вещах, которые я ненавижу. Это потому, что я готовил диверсию для панков, которая не была оценена по достоинству, так что пришлось пускать в ход пивные бутылки, стоявшие на сцене. В принципе, я бы вряд ли решился на это в здравом уме и тем более на трезвую голову. Хотя, кто его знает, ведь уже очень давно я был разьедаем чудовищной депрессией и постоянной хандрой по любому поводу. По врачам я не ходил, думая, что они мне не помогут, а сделают овощем. Ну что ж, теперь я у них оказался благодаря обстоятельствам.

В принципе, это всё были разговоры ни о чём. Хорошая терапия не могла быть бесплатной, а денег у меня не было. Они интересовались моим суицидальным настроением, потерей интереса и в то же время возрастающей ненавистью к окружающему миру и себе самому. Я был переполненной чашей апатии. Так себе коктейль, честно говоря. Мне и правда не хотелось жить, но убивать себя было страшно, очень страшно. Хотелось плакать, свернувшись в позе эмбриона под сырым от похмельного пота и вечного холода одеялом,

но я не мог позволить себе роскошь быть слабым. Я знал, что ни к чему хорошему это не приведёт, а лишь усугубит положение дел. Может я и жалок, но не хотел развивать такой скилл. Поэтому лучше умереть, думал я. А если я боюсь реальной смерти, и мне даже просто не позволяют это сделать, значит нужна какая-то альтернатива.

О возможной альтернативе говорил тот очкарик, который иногда заходил к нам. Можно было в любой момент позвать его к нам, и он бы припёрся с каким-нибудь фолиантом и всё сделал. Была только одна проблема: дурдом. Нужно было как-то выбираться отсюда, тем более здесь отвратно кормили (было бы странно, если бы нет).

Поскольку я был здесь на «добровольной» основе, то никаких дополнительных ограничений свободы кроме стен не было. Всё равно меня бы просто так не выпустили, поэтому мне нужен был какой-то план побега. И задумал я его ещё после первого дня, когда даже не начались групповые сеансы психотерапии и всё остальное. Со мной пока что успел побеседовать только кто-то из врачей. Я сказал ему, как сильно всех ненавижу, хочу идти по улице и бить всех встречных мужчин, а женщин насиловать. Этаким Эдипов комплекс, спроецированный сразу на всё население земного шара. На самом деле это были всего лишь навязчивые мысли, и я не мог ничего с этим поделать. Началось это ещё в детстве и, как мне казалось, от скуки. Что ж, у Джоуи Рамона тоже было ОКР, видать такой тренд в панк-роке, хе-хе.

Что касается моей неуправляемой ненависти по отношению к социуму, я пытался это контролировать, но только из-за страха расплаты. Почему-то принято думать о том, что все «нормальные». Что никто никого не хочет ударить или убить. Ну да, в таком случае стали бы придумывать законы? Ответ очевиден. И пусть возрадуются обыватели, что это сдерживает таких психопатов как я. Ну, пока мне ещё есть, что терять, конечно.

Стены дурдома тоже сдерживают таких как я. Хотя большинство здесь это просто бедные и несчастные люди. Но по некоторым сразу заметно, что у них в головах крутятся такие вещи, которые я не видел и в самом дремучем похмелье. Моя параноидная шизофрения в сравнении с этим просто детский сад.

С чего я взял, что у меня шизофрения? Разумеется, я просто прочитал симптомы в справочнике и многие оказались очень близкими и знакомыми. К счастью, я не успел дать понять это врачам.

Я боялся умирать, но мне это было необходимо. А чтобы сделать всё грамотно, мне нужно было свалить из психбольницы. И я вознамерился сделать это в самые короткие сроки.

Я просто сложил свои вещи в рюкзак и выполз с ним через окно второго этажа.

Честно говоря, я не был уверен, добровольно я здесь или нет. Я просто не вникал в эту муть. Интересно, сегодня все зомбоящички будут кричать о том, что опасный псих сбежал

на свободу?

Пробравшись сквозь кусты, я вышел на автобусную остановку. Никогда бы не подумал, что побег – это так легко. Наверное, это всё потому, что врачи и правда не знают о том, что я опасный психопат. Уже через несколько минут я ехал в автобусе в сторону родных трущоб.

И вот, я добрался до цели. Home sweet home. Войдя, я застал своих «друзей», ужинающих за столом. Увидев меня, они замерли, поднося к своим широко открытым от удивления ртам вилки со спагетти с кетчупом. Я стоял, ослабившийся в сумасшедшей улыбке, когда первым от онемения отошёл Фрэнк:

– Регги, как ты...

– Ножками, Фрэнк, ножками. Ножками и ручками. Надеюсь, моё пиво осталось?

Я подошёл и открыл холодильник, пиво стояло на месте. Достав упаковку и вынув одну банку, я счастливо провозгласил:

– Нужно отпраздновать моё возвращение! Ха-ха-ха!

И отправился наверх. Мои горе-соседи, кроме Глории, тут же засеменяли за мной, причитая.

«О, боже, Регги, как так вышло, так же нельзя!»

Можно, сукины дети, можно.

Аморфный Джим озабоченно твердил:

– Но тебя не должны были выписать так скоро. Нам бы позвонили. Тебе лучше было остаться в больнице, лучше для

тебя самого.

– Ага, и для вас самих и вашего долбаного общества.

Я вошёл в комнату, захлопнув дверь. Постель была заботливо сменена на чистую. Убогие придурки, и они ещё называют себя панками! А это было бы так готично – возлечь на испачканной кровью простыне. Правда, кровь недолго остаётся красной, превращаясь в бурые пятна, так что постель могла выглядеть так, будто я обделался. И это ещё больше по панку, чёрт возьми, но я слишком утончённая натура для таких вещей, ха-ха. Зато как было бы символично, живя в этой клоаке...

Я присел на диван, открыл банку пива и отхлебнул. Взял со стола завалившийся пакетик чипсов, закусил и прикурил в раздумье сигарету. Нужно было что-то предпринять. Через некоторое время я вспомнил о записанном номере того шизотерического недоноска и набрал его. Он ответил почти сразу же:

– Алло. Кто это?

– Привет, засранец. Это Дэд.

– Кто?

– Дэд Зеппелин.

– А, Регги, это ты!

– Твою-то мать, перестань называть меня этим именем.

– Регги, как дела? Я заходил к вам вчера, но твои друзья сказали, что ты в больнице. Ты всё ещё там?

– Нет, дружок, я только что оттуда. Я сбежал, чтобы ты

помог мне.

– Ого! Это очень плохая идея, и я за тебя волнуюсь, Регги!

– Перестань включать мамочку, дурачок, и выслушай меня. Значит так, бери свой гримуар, остальные причиндалы для того ритуала и тащи свою задницу ко мне. У тебя полчаса!

Не дожидаясь ответа очкарика, я положил трубку.

Он пришёл к тому моменту, когда я уже кончал третью банку пива. А пью я его очень быстро, иначе какой смысл? Нет, не чтобы быстрее опьянеть, просто мне нравится хлестать эти ссаки буржуев, ха-ха.

Задрот стоял на пороге моей комнаты с книгой, чуть ли не вдвое больше его самого.

– Здравствуй, Регги.

– Здравствуй, Мелвин.

– Я не...

– Да неважно, как тебя там зовут. Считай, что я придумал тебе псевдоним из названия своей любимой гранж группы.

– Но ты ведь говорил, что твоя любимая гранж группа – Тамагуна.

– Да, чертёнок, тебя не проведёшь. Что ж, давай приступать. Что там у тебя?

Нерд вошёл в комнату и уселся с книгой на коленях, открыв её мне навстречу.

– Ну вот, здесь описано, как провести эту операцию. Нужно выпить специальный пуазон. Ну и, в принципе, всё.

– Что, так просто? Никаких заклинаний и закляний?

– Нет, тут лишь инструкции, как направлять тебя во время твоего смертельного трипа. Ну и мантры, если их можно так назвать, ведь это совсем не индуистская культура, а смешение вуду и каббалы, грубо говоря.

– Та-ак, хорошо. Давай мне сюда напиток.

– Подожди, не так быстро. Я хотел уточнить, реально ли ты настроен на то, чтобы умертвить своё тело?

– Ага, прикинь. Я бы умертвил и душу, если бы так не боялся пожалеть. С другой стороны, жалеть-то было бы себя уже некому. Но оставим эти квазифилософские непотребства, пора переходить к кульминации нашего вечера.

– Значит так, Регги, сейчас постарайся остановить внутренний диалог.

– Это ещё, мать его, как?!

– Ну-у, не думай совсем ни о чём. Как, скажем, во время секса.

– Ты что, ополоумел?! Секс с грязной девкой уносит мои мысли в невообразимый поток. Я думаю обо всём этом дерьме, ну, знаешь, о реакции людей, на которых выливают отварной кипяток или серную кислоту, о горящих на электрических стульях и удушенных в газовых камерах. О раковых опухолях и ампутации конечностей. О спидозных иглах, попадающих в ноги тех, кто гуляет по грязным пляжам. О попавших в сети охотников диких птицах и солдатах, тонущих в зелёных болотах и зыбучих песках.

На лице Мелвина нарисовалась удивлённая гримаса. Откуда этому задроту вообще знать что-то про секс, разве что из библиотечной макулатуры.

– Окей, просто постарайся ни о чём не думать.

Ну и я попробовал. Разумеется, это было бы сложновато, если б не выпитое пиво, которое частично отключило мой мозг.

Юный натуралист начал напевать какие-то атональные мотивы, что-то смешивая в склянке. Остановка внутреннего трёпа помогла не думать, какая гадость там может оказаться. Чуть погодя Мелвин протянул мне пузырьёк чёрной жидкости с едким запахом. Выдохнув, я одним махом опрокинул его в себя. Напиток был горький, с неприятным привкусом чего-то земляного и травяного, словно это была могильная эссенция. После такого ничуть не живительного глотка гнили я откинулся на диван и выдохнул:

– Уф, ну и дерьмо, хуже пошла из местных баров.

– Да, представляю. Это коктейль Ле Морте.

– Какое оригинальное название! И что теперь делать?

– Жди. Просто лежи и жди.

Собственно, я уже этим занимался. В животе появилась тяжесть и дискомфорт, рассудок терялся, как при опьянении, в глазах начинало темнеть. Я смотрел на комнату недвижимым взглядом, а в это время очкарик зажег пару палок каких-то благовоний и включил на моём ноутбуке шиваитские мантры. Это понемногу отвлекало сознание от неприятных

ощущений в теле. Постепенно я как будто бы вошёл в сон наяву, с закрытыми глазами. Сюрреальные мыслеобразы постепенно накрывали меня и уносили куда-то вдаль, словно я был одновременно в этой комнате и где-то ещё, очень далеко. Ну здравствуй, Небытие!

«Словно я повелся на эту тупую рекламу по радио и оформил заказ на галлюциногенные гробы», подумал я.

Постепенно комната пропала. Я погрузился во тьму. Со всех сторон моё существо обступил беззвёздный и непримиримый космос. Он не был враждебен как материальный мир, скорее был просто безразличен. Я чувствовал лёгкость и одновременно тяжесть его безмолвия. Похоже, все эмпирические понятия исчезли вместе с привычной реальностью. Осталась пустота, наполненная тьмой и моими противоречивыми мыслями наблюдающего непривычное. Я был точкой, курсирующей по необъятному океану неизвестного. Неужели это и есть ад вечного одиночества, обещанного христианской доктриной? Если кто не в курсе, огненная Геенна это лишь художественный образ. Немного огня бы не помешало осветить эту непроглядную черноту. Я задумался о вакууме и невозможности распространения в нём звука, как тут же обнаружил, что слышу слабое монотонное эхо мантр, включенных моим убийцей. И подумав о свете, я увидел, что тьма стала приобретать слабые оттенки, вроде очертаний небул. У меня не осталось сомнений – я двигался в космосе. Воз-

можно, в его астральном измерении. Моя душа или сознание куда-то двигалось, я летел увлекаемый неизвестным течением. Но движение равно жизнь. Значит смерти нет? Значит я либо реинкарнирую, либо попаду на новый уровень? Вряд ли мне суждено оказаться в нирване, ведь я не святой. Я лишь грешная больная джива, утонувшая в невежестве тамаса и отчаянно скорбящая по своему истинному дому. Вот только где он? Неужто я возвращаюсь Туда?

Спустя несколько астральных миль я заметил маячащий прямо по курсу огонёк. Сразу же вспомнилась идиома «свет в конце тоннеля». Но у тоннеля есть границы, а я передвигался по явно безграничному пространству.

Я двигался всё ближе к источнику света, который из млечной точки превратился в бело-розовый светильник. Сияние шло от него по всем сторонам и отливало в космической тьме радужными акцентами. Внутри меня зацвело чувство предвкушения чего-то грандиозного. По мере приближения стали различимы отходящие от объекта пузыри, на которые ложилось отражение света и делало их схожими со звёздами, разлетающимися во все концы Вселенной из самой её середины. Неужели это всё по-настоящему? Наблюдаемое интуитивно казалось таким естественным, что логика тлеющих остатков материального сознания уже не могла конфликтовать с опытом.

Постепенно я осознал всю масштабность источника света. Он был огромен, нет, колоссален! Любой язык скуден для

описания таких грандиозных размеров.

И я понял, что буду лететь до него целую вечность, хоть и совершенно потерял чувство времени. Но меня вдруг осенило: если я уже давно бестелесная оболочка, чистейшее сознание, то значит могу управлять полётом с помощью мыслей. Стоило подумать об этом как я тут же ускорился. Пустота пространства ощутимо обтягивала меня своим космически-чёрным киселём. Я ускорялся всё сильнее. Точки-звёзды бликов пузырей превратились в линии. Я двигался уже со скоростью света, и понимал, что это не предел, и с каждой такой мыслью мой темп невообразимо нарастал.

Через какие-то несколько мгновений передо мной открылся потрясающего вида источник расходящегося света. Слово из изнанки возможного пространства как будто бы рос и распускался вселенских размеров лотос. Но меня поразило не он. В его цветке находилось нечто величественное и ослепляющее своим светом, и у него был силуэт, напоминающий человеческий. Я замер в неведении и замешательстве от части увиденного, но притяжение этой светлой силы захлестнуло меня с такой страстью, что я бы не смог ей сопротивляться. От скорости полёта «я» всё больше обволакивало плотью сопротивления невесомому пространству. И разве могло быть так, если это вакуум? Я не знал этих физических законов, как и того, кто был у меня на пути. В один миг я оказался перед его взглядом, всё ближе и стремительнее улетаю в центр одного из гигантских глаз, пока не утонул

в космосе зрячка, ощущая, что меня будто засасывает в черную дыру. Почувствовав бремя обретенной физической оболочки, я провалился в свою комнату на кровать.

Зрение вернулось, но вернулся ли я, и пропал ли вообще – оставалось неясным. Напротив меня сидел очкарик Мелвин, держа в руках гримуар. Сзади него тлели палочки благовоний, музыка стихла.

– Ну что, как ты? – спросил он, удивленно хлопая глазами.

– Это было круто, чёрт возьми. Нет, невообразимо! Просто фантастика.

– О, да, представляю...

– И что, я теперь мертвый?

– Получается, что так.

– А-а, клёво. И что нужно делать?

– Да не знаю, всё что хочешь. Я думал, что ты это заранее спланировал, раз так рвался покончить с жизнью.

Он был логичен в своих суждениях, но они не соответствовали действительности. Я понятия не имел, что теперь делать. Более того, я не врубался что произошло и что я видел Там. Это что, был Бог? И если да, то как я умер? Я отдал свою жизненную силу или вроде того? Наверное, да, дальше будет видно. А пока что я решил продолжить то, с чего начал – прикончить упаковку пива. Тем более что теперь моему здоровью ничего не угрожало. Но вдруг меня посетило сомнение, и я спросил у очкастого шизотерика:

– Погоди-ка, Мистер Поттер, а если я мертв, это не значит,

что теперь моё тело сгниёт заживо?

– Не знаю, Регги, тут вроде бы ничего не написано об этом, лишь двусмысленные средневековые поэтические образы...

– Эх, вы, адепты Изумрудной Скрижали, чтоб вас. Никогда ничего не пишется прямым текстом как в инструкции. Ладно, чёрт с ним. Может хочешь пива? Помянем меня, ха-ха!

– Нет, спасибо, Регги, мне пора.

– Ну как хочешь, очкарик. Бывай. Cheers!

И я поднял банку, из которой уже отхлебнул глоток в половину оной, когда дверь захлопнулась и убийца-недоносок исчез.

Я потянулся к ноутбуку и врубил свой плейлист, в котором добрая половина песен была о смерти и с прочей кладбищенской тематикой. Уж такой я готический панк, Мистери Мистер Грэйтфул Дэд Цеппелин. Покончив с оставшимися четырьмя банками из сикс пэка, я решил спуститься за добавкой. В гостиной сидели мои придурки-соседи и палили какое-то дурацкое шоу по ящику. Я нараспев завопил:

– Ти-Ви пати тунайт! Ти-Ви пати тунайт!

Мне по привычке пропел в ответ Джим:

– Yeah, we've got nothing better to do.

За ним продолжил Фрэнк:

– Than watch tv...

А за ним и Глория:

– ...and have a couple of brews.

– Ха-ха, вот именно! За «капл оф брус» я как раз и собрался. – весело декламировал я.

– А ты не боишься, что тебя схватят? – безэмоционально выдавила Глория, не отрываясь от телеэкрана.

– Ну разве что вы на меня настучали. Да и вообще, теперь уже без разницы, 'cuz I'm dead.

– Yeah, you are Dead. – так же, не отрываясь, протянул аморфный Джим.

Это была игра слов, если кто не понял. Чувак подумал, что я в очередной раз пытаюсь акцентировать внимание на своём сценическом имени, но не в этот раз, нет. Осознав это, я улыбнулся и направился к выходу, накинув пиджак.

На улице было мрачно и пасмурно, прямо как мне нравится. Нет, бесспорно я любитель лета, но ненавижу жару. Во время неё сложно быть готом, ведь чёрные шмотки нагреваются быстрее всего, заставляя тебя потеть и пахнуть. А это уже атрибут не меня, а тех крастис, которым я пытался устроить готический джихад в клубе, несколько дней назад.

Стоило мне вспомнить о их существовании, как я заметил троих, тусующихся на стоянке у супермаркета. Большой и толстый скин Джинджер, и два панка рядом с ним: Роттен Грин с характерным зелёным могавком и Кросс, брюнет с причёской «помойка». Бритоголовый рассказывал двоим друзьям-панкам:

– Ну так вот, захожу я к ним в магазин и спрашиваю сколь-

ко стоит флаг Ирландии, а мне говорят, что они закончились. И я отвечаю: тогда дайте мне флаг Кот-д'Ивуара!

Все трое залились гнусным смехом, а я продолжал свой путь как ни в чём не бывало. Ожидаемо, что они меня заметили, и отступать было некуда. В безлюдном пространстве их ничто не останавливало перед тем, чтобы разобраться со мной.

– Эй, faggoth! – заорала мне лысая детина, – Иди-ка сюда, побазарим.

Я заметил, как самый дрыщеватый из них, Кросс, потянулся в карман своей проклёпанной косухи за пером.

– О чём мне с вами базарить, отбросы?! – лишь усмехнулся я им в ответ.

– Что ты сказал? – огрызнулся в ответ Роттен Грин.

– Что слышал, гниль. Вон, на каждом из вас так и написано: Misfits.

Все трое удивленно переглянулись. Эта надпись и правда присутствовала на каждом из них: на косухе Кросса был патч, на чёрном бомбере Джинджера значок, а на Роттене футболка. Ублюдки любили хоррор-панк, но теперь им было суждено познать настоящий ужас. Мне опять ответил вожак стаи, лысый:

– Смотрю всё упражняешься в остроумии, Регги Джихад.

– Ну ведь ум у меня есть. И он острее, чем ваши перья.

– Нет же, придурок, нам не нужны проблемы с копами из-за такого дерьма как ты. – осмелился прокудахтать Кросс.

– Дерьмо только у вас в головах, а проблем не будет, ведь невозможно убить мертвого.

– Кого мертвого?! Тебя, что ли? Ты совсем тронулся от своего унылого замогильного музла. – осклабился Роттен.

– Да нет, это вполне реально. Только вы ведь в это не верите, материалисты долбаные. И даже как панки вы просто кучка тупых детей с двойными стандартами, а не панки вообще, иначе бы оценили мой перфоманс. Этим я показал, кто тут настоящий панк!

– Какой перфоманс, дубина, ты чуть не угробил Тони, Ронни и Донни! – выпалил Кросс.

– Да лучше бы угробил, нахер этих мудаков! – улыбаясь парировал я, чем вызвал ярость у всех троих, и они резко двинулись в мою сторону, заноса кулаки. Я вроде бы понимал, что всё равно мертв, и бояться мне нечего, но не знал, каково было бы огрести, пусть даже будучи неживым. В любом случае, даже при отсутствии болевых рецепторов, у моего тела скорее всего пропала регенеративная функция, тем более ублюдки могли испортить мою одежду. В общем, недолго думая, я запрыгнул в одиноко стоящую на тележку из супермаркета, оттолкнулся и поехал прочь.

Я орал «piss off!» и смеялся, показывая средний палец, а преследователи бежали и проклинали меня. Понимая, что могу и не улизнуть от негодяев, я просто наслаждался моментом, и мне пришла на помощь случайность.

Не смотря по сторонам, я пересёк на тележке проезжую

часть, а трое панков бежали за мной, тоже не обращая внимания на происходящее вокруг.

Никто из нас и не предчувствовал, как скоро вечернюю тишину пустого пригорода пронзят звуки резкого глухого удара и коротких, мгновенно смолкающих криков.

Трое идиотов стали добычей стремительно несущегося по шоссе грузовика. Меня и раньше одолевало обожать пьяных водителей, а теперь хотелось воспевать их в гимнах. Смотря из придорожных кустов, я представлял, как описал бы это в песне. Как усатый толстяк в кепке-тракере, шатаясь, выползает из кабины грузовика, и удивленно смотрит на три мясные кегли, которым только что устроил фатальный страйк. Как он украдкой проверяет их пульс, прикасаясь к каждому из них через носовой платок, чтобы не оставить отпечатков. Судя по выражению его лица, все они мертвы. Он смотрит по сторонам в поисках возможных свидетелей, но понимает, что время позднее и вокруг ни души. Как заползает в кабину за канистрой воды, быстро смывает кровь с капота и лобового, возвращается за руль и съезжает с шоссе куда-то в темный переулок за супермаркетом. Я назвал бы эту песню «Too Drunk to Truck», ха-ха.

Утопив тележку в придорожной канаве как улику, я пошёл куда и собирался, понимая, что возвращаться придётся другой дорогой. Меня опьяняло чувство удивительного триумфа. Я не верил, что мне могла привалить такая уда-

ча. Возможно, это потому что я мертв? Может быть я только при жизни был неудачником, а теперь всё пойдёт по-другому? Что ж, кто знает. А пока что я двигался в привычный магазин с вывеской «Liquor store». В нём я купил пару сигспэков и ещё сигарет. Курил я довольно много, это казалось мне неотъемлемым атрибутом мрачного груфти. Сигареты вообще неплохо заполняли пустоты в моей жизни, хоть со мной бы и не согласился покойный Аллен Карр. Но я-то теперь тоже покойник, так что волноваться не о чем.

Больше всего я боялся утратить вместе с жизнью вкус чего бы то ни было: тех же сигарет, алкоголя и даже женщин. Последних, правда, я не очень жаловал, ввиду их сущности, но все мы так или иначе похотливые животные, поэтому время от времени я снимал какую-нибудь сучку. Правда, при этом я понимал, что встретил бы с открытым сердцем свою родственную душу, если б такая нашлась. Но мне неплохо ангстовалось и одному, поэтому я не парился. Тем более, с сегодняшнего дня я уже был обручён со смертью.

Неторопливо покуривая и шагая по тихим кварталам родных трущоб, я услышал шум сирен со стороны дороги и ускорился в направлении дома. Копы и медики прибыли на удивление быстро. Подумать только, зачем им трупы этих мразей? Насиловать как своих идеологических врагов? Сделать частокол с отрубленными головами вокруг полицейского участка? Нет, ты явно болен, Регги Джихад, ха-ха, явно болен! Но мертвецы не болеют. И, надеюсь, что на похмелье

это тоже распространяется.

Я вошёл в свой дом, где уже было темно. Видимо, эти неудачники отправились спать. И тут я задумался, смогу ли уснуть сам. Но едва дёрнувшись позвонить Мелвину и спросить, я порешил, что он скорее всего не знает.

Отбросив сомнения, я пошёл наверх. С моего ухода ничего не изменилось, всё те же плакаты на стенах, мебель и ещё ощущаемый запах восточных благовоний. Я сел на кровать, открыл банку пива, закурил и врубил свою мрачную танцевальную музыку, листая психоделические арты. Так продолжалось час или два.

Стоял солнечный день, и я безмятежно шагал по улицам гетто в направлении супермаркета. На мне была мерчевая футболка с надписью DRUG ZOO и темно-синие джинсы. Да, иногда я выгляжу не совсем как гот. Приближаясь к супермаркету и отойдя к торцу, чтобы закурить, за спиной вдруг слышалось:

– П-с-с, парень, иди-ка сюда.

Я оглянулся, чуть не выронив бычок: передо мной стоял тот самый водила, избавивший меня от врагов. Я решил держаться до последнего, и не сознаваться, что я свидетель.

– Что Вам нужно, сэр? – произнес я с несвойственной мне вежливостью.

– Да ладно, ты не узнаёшь меня? – улыбнулся усатый мужик.

– Боюсь, что нет.

– Ну перестань, мы же оба знаем, что это не так...

Я взволнованно прошептал:

– Что Вы от меня хотите?!

Мужик лишь хихикнул:

– Да не волнуйся ты так, тебе ничего не грозит. Я просто видел, как ты удирал от тех выродков, и спас тебя. Чутка не справившись с управлением, хе-хе. Что поделать, был в стельку.

Тут я удивился ещё больше, когда заметил надпись на его кепке «2 DRUNK 2 TRUCK». Видимо, это был самый настоящий психопат. А я знал, каково быть психопатом не понаслышке, потому ответил:

– И что, Вы теперь хотите убить меня, как нежелательного свидетеля?!

– Ой, ты что, нет, конечно, ха-ха! Я хотел сказать, что с тебя пиво. Да ладно, шучу, это не обязательно. Просто захотелось сообщить тебе, что так и так.

– Ну и дела... – только и смог протянуть я. – Но пивом и правда угостил бы, как раз направлялся за ним.

– Ну что ж, коли так, то не откажусь. Только я подожду тебя здесь, мне там лучше не светиться, сам понимаешь, вдруг тут камеры.

– Да, понимаю, дружище. Я вернусь через пару минут.

Заходя в супермаркет, я увидел сцену из фильма: какой-то придурок угрожал пистолетом симпатичной продавщице и пытался её ограбить. Тут сработали мои двойные стандарты: я ненавижу капитализм, но хотел выглядеть героем перед той дамочкой. Грабитель с банданой на лице прорычал:

– Давай реще, сука, выкладывай сюда чёртовы бабки!

Я подходил всё ближе. Бандюган рыкнул:

– Эй, ты! Не рыпаться!

Но я уверенно шёл дальше. Память о том, что я уже мёртв, не могла сосуществовать вместе со страхом.

Я только хотел открыть рот, произнеся что-нибудь эффектное, как услышал хлопок разорвавшейся гильзы и резкий толчок в области сердца. На долю секунды я увидел безумные глаза ублюдка над банданой, потом перекошенное от ужаса лицо кассира. Затем я опустил взгляд на свою грудь и увидел кровавую дырку на месте последней буквы «О», аккурат посередине. Не знаю, что за волына такая была у того гангстера, но пулевое отверстие было сквозным, через моё сердце. Я поднял глаза и прошипел:

– Ублюдок, ты испортил мне футболку!

По чуваку было заметно, что выстрелил он на нервяке, и вовсе не хотел этого, но ещё больше обделался, когда увидел, что я ничуть не пострадал, кроме как визуально. Он тут же убрал ствол в карман и вылетел из магазина как ужа-

ленный. А я повернулся к кассирше и спросил:

– Как ты, крошка?

Едва отойдя от оцепенения, она процедила:

– Убирайся отсюда!

– Эй, ты что, крошка? Я же спас тебя.

– Убирайся!..

– Эх, видимо, у меня за полминуты стало больше на ещё одну дыру в сердце. Только не делай мне третью, позволь взять то, за чем я пришёл.

Я взял сикспэк и оставил деньги перед ней:

– Сдачи не надо...

Я вышел, не оглядываясь, но услышал тихое:

– Боже, что ты такое?!

Вернувшись на залитую солнцем улицу, и немного истекая кровью, я зашёл за супермаркет. Ждавший меня водитель-психопат поднял густые брови, увидев меня, и запричитал:

– Мать моя женщина! Что с тобой приключилось, парень?

– Да так, царапина. – клишировал я.

– Нет, я всё понимаю, но ты ж насквозь прострелен, чёрт побери! Как ты вообще можешь быть жив после такого?!

Я сдержанно улыбнулся в ответ:

– А кто сказал, что я был жив до этого, м?

Мужик пожал плечами и не стал отказываться от протянутого пива. Мы взяли по банке, вздрогнули, потом я заку-

рил, и дым стал выходить из дыры в груди (видимо, было задето и легкое). Мы оба посмеялись над этим. Потом я спросил, не пытались ли его найти после того случая. Он лишь отмахнулся:

– Ха, нет! Более того, я вошёл во вкус и не думал останавливаться. На мою радость той же ночью мне попалась голосящая шлюшка, тоже припанкованная. Я изнасиловал её, а потом убил.

– А потом снова изнасиловал?

– Ну да... хе-хе.

– Готично! Cheers!

– Cheers!

И тут небо резко стало чёрным. У окружающего мира стали пропадать очертания, исчез и мужик рядом со мной, и я сам, и дырка в моём сердце. И я проснулся, лёжа среди разбросанных банок у себя в комнате.

3

Вообще-то я никогда не любил автомобили, и на то множество причин. Они были неэкологичны в большинстве своём. Они были культом для обывателей. Их было слишком много, и они всегда мешали. Каждый раз, когда я видел машины, мне хотелось взрывать их, сжигать или хотя бы портить разными способами. Хотелось царапать их ножом, бить стёкла, протыкать шины. Представляю, как бы это разозлило рядового обывалу, узнай он об этом. Они воспринимают возможность такого исхода лишь как проявление мести, но им и в голову не придет, что кого-то может раздражать сам факт наличия где бы то ни было их долбанных тачек. Но на этот счёт у меня тоже были двойные стандарты: я любил маслкары и болиды. Но такие машины высокоэстетичны, в отличие от того уродливого хлама, наполняющего автострады.

Порой я забавлялся, представляя, что причина такого большого количества автомобилей кроется не в проявлении буржуазного сознания, и даже не в куриных мозгах большинства людей, а в скрытой перверсии, описанной у Балларда в романе «Автокатастрофа», ха-ха. Ублюдки должно быть просто кончают от мыслей о том, чтобы попасть в аварию.

И всё-таки я не знал, что из увиденного мною за последнее время было реально, а что нет, зато чувствовал похмелье. Только могло ли оно быть у мертвеца? Раньше я шутил

по этому поводу, мол, каждое утро умираю, и это так готично, ха-ха. А сейчас было неясно: вдруг это состояние и правда состояние смерти?

Я встал с кровати и спустился вниз. Мне навстречу показалась озлобленная Глория:

– Ты ещё тут, психопат?

– Да, и можешь не пытаться меня задеть своим змеиным языком, ведь я теперь ещё более бессердечен, – ответил я, указывая на место выстрела в своей груди, но наткнулся только на недоумевающе презрительный взгляд своей соседки. Опустив глаза, я заметил, что никакого ранения на мне не было. Значит, то было лишь видение.

Я поспешно махнул рукой и прошёл дальше, оставляя возомнившую себя умной дрянную девчонку. Теперь мне было интересно, реальна ли гибель трёх панков, гнавшихся за мной у супермаркета. В гостиной сидели и пили свой кофе Джим и Фрэнк, и если бы весть о гибели их дружков разошлась, это непременно отразилось скорбью на их лицах. Но все трое придурков ничем не отличались от своего обыкновенного состояния. Спрашивать самому о благополучии возможных жмуров не стоило, чтобы не нажить проблем от этих иуд. С другой стороны, если я мёртв сам, то мне нет нужды бояться Вавилона. Хотя, они всё равно попытаются со мной разобраться, пока не закончатся сами, прямо как в компьютерных играх.

Пытаясь удерживаться от мрачных мыслей об этом, я за-

думался о том, что же теперь делать с привлекательной мрачностью моей жизни – долбаной музыкой. Я был полностью уверен в том, что 77UP больше не могут продолжать свою деятельность после такого предательства со стороны остальных участников, и решил заявить им об этом напрямую:

– Итак, ребята, я хочу вам кое-что сказать.

Парни отвлеклись от кофе и газет, а ходившая по дому Глория остановилась, разрезая меня своим презрительным взглядом.

– Как вы понимаете, после всех недавних событий не может идти речи о том, чтобы наша некогда успешная и многообещающая группа продолжала существовать. Дело не столько в каких-то моих возможных принципах, сколько в том, что местная публика или не допустит дальнейших выступлений, либо станет их игнорировать. По правде сказать, касаясь второго – немного и изменится.

Фрэнк удивлённо открыл рот, смотря на меня, Джим стал ещё более аморфным, утопая в кофейной гуще, и только наша смелая музыкантша нарушила общее молчание:

– По правде сказать, никто ничего и не потеряет.

Я оскалился:

– Ну, разумеется. Тем более вы не очень-то разделяли мои музыкальные соображения. Так что я дарю вам свободу от бремени себя самого, наслаждайтесь.

– Какая, мать твою, честь! – съязвила Глория.

И тут наконец-то заговорил Фрэнк:

– Что ж, Регги, может ты и прав, но всё равно очень жаль это слышать.

– Никогда не жалею ни о чём. – подмигнул ему я.

– Тебе ли об этом говорить, мудила. – послышалась очередная любезность Глории.

– Лучше бы тебе сосредоточиться на написании новых песен, дорогуша. Потому что мои вы бы вряд ли взяли, даже если я согласился их отдать.

– Ещё бы, они вообще никому не нужны.

– Да? А что ж ты тогда со мной играла, лицемерка?

– Когда-то я посчитала тебя нормальным, к сожалению.

И ещё, я играла с парнями, а не с тобой.

– Ну да, ну да. Вот и отлично, радуйтесь. Теперь будете играть с парнями то, что заблагорассудится. Или вообще ничего не будете. Лично меня это мало волнует. Только вот что, я всё равно ещё соберу группу, может и не одну. Надеюсь, мы договоримся об использовании гаража посменно. В противном случае мне придётся вас убить, ха-ха. Шутка.

На это её лицо скривилось ещё сильнее:

– Что? Да какой идиот станет с тобой играть?! Или ты нашёл себе единомышленников в психушке?

– Разумеется. Завербовал адептов на целый сектантский оркестр. Ходи теперь и оглядывайся.

– Пошёл ты, придурок. – отчуждённо бросила она, а Фрэнк и Джимми всё так же молчали. Я вышел на улицу и прикурив сигарету, шурясь от солнца, заливающего веранду.

Пока что было неясно, как быть и кого искать. С одной стороны, я к этому и не стремился, но внутренний голос подсказывал, что нужно срочно что-то предпринять, пока внутренний запал ангста не угас.

Неожиданно ветер впечатал мне афишу в лицо. Флайер вещал о каком-то дум-рок гиге тунайт, в местном говнорокерском клубе. Что ни на есть знак судьбы, если у мертвеца вообще остается такое понятие.

Дум-рок, кто бы мог подумать, долбаное непотребство и позерство. Музыка для наркоманов, да и то, потому что кто-то так решил. Я тоже курил шмаль с завидной регулярностью, но мне вкатывало слушать иные вещи, а не какой-то хипстерский метал. С другой стороны, если уж и придётся слушать метал, то лучше такой. А на этот гиг придёт толпёнь придурков, которые решили поиграть в панков, но заслуживают лишь того, чтобы их облили помоями. Стоило бы навалить им всем, и грабануть на шмотки и примочки. Первые у них и правда хороши, а вторые им не нужны. Они шумят ими хуже и унылее, чем долбаный Тёрстон Мур!

Докурив, я вернулся в дом, чтобы переодеться. Приятная неожиданность: никого. Как в компьютерной игре, когда возвращаешься туда, где только что был экшен, но разработчиками не предполагался такой поворот.

Пройдя наверх, я оказался в комнате. Сняв майку, достал из шкафа другую, с надписью Sonic Youth, и дописанной черным маркером сверху «tired of pretending to love». Абсолют-

ная правда, выраженная по канонам DIY-культы. Когда-то, безусловно, я слушал эту группу, в которой видел гораздо больше панкерского, чем в той дряни, которую гоняло местное лысо-ирокезное стадо. Но за исключением нескольких треков, большая часть их творчества походила на лекарство от бессонницы. И это у изобретателей целой науки по извлечению шума из гитар и примочек, где каждый приём прописан, и никаких случайностей. С полсотни педалек на сцене – это всё про них. Но лучше бы пропить их или проторчать. Зачем нужна такая унылая музыка, кроме как для хипстерства. Повыеживался перед панками, ну и хватит. С доведённым до ума мерчем я пошёл выеживаться перед группой лиц, которых я в дальнейшем буду называть «эйч-ворд». Ну, вы понимаете, дабы избежать моветона.

В остальном я оделся по-обычному. Вернее, даже не переодевался. Почти весь мой гардероб – это сплошной чёрный цвет. Чёрные джинсы и такие же куртки, чёрные рубашки и ботинки. На почти олблэке, не считая чёрно-белой футболки со словами о том, как я устал притворяться любить, я направился в сторону автобусной остановки. Во время езды через весь город я вновь залипал на всратые виды за окном под скулёж любимых готик-рокеров в наушниках. Нужно было наслаждаться альтернативой очень плохой музыки, которую предстояло услышать. Я планировал напиться и мразить, а любой говнорок на этих концертах всегда был просто фоном. Я ненавижу этих недочеловеков, мы бы-

ли очень разные, мягко говоря, и я бы никогда и ни за что не стал слушать их музыку. Какая жалость, возможно они даже старались и вкладывали в это душу, но я не стану думать об этом, чтобы не расплакаться. А как пел один старпёр, похожий на твою жирную мамашу, «бойз донт край»!

Отдельная тема – это названия групп. Они настолько ущербанские, что я даже не буду их перечислять, чтобы не испачкаться. Но сегодняшняя группа удивила оригинальностью. Сладжевые эйчворды под именем CUNT MOTHER. Интересно, а их матери в курсе, как назвались их сыновья? Это уж совсем перебор. Мерзость может быть разной, но эта настоящая. Но смущало меня не первое слово, а второе. Если бы они переименовались в COCONUT MOTHER, меня бы передёргивало от них точно так же. Зато на них передёргивают их друзья-эйчворды. Ну и, возможно, тёлочки. Субкультурные бабы вообще говноедки по жизни, что с них взять. Претенциозные мясные дырки, копирующие стиль одна с другой, не чураясь ничего, включая помаду цвета а-ля «поцелуй в жопу».

И вот я окунулся в помойную яму местного рок-клуба. Всё такой же уютный полумрак, который хочется обоссать, всё те же улыбающиеся лица, которые хочется разбить. Но иногда там мелькает то-то интересное или даже привлекательное. В этот вечер я заметил странного длинноволосого парня, крутившегося у барной стойки. Рядом с ним никого не было, и, видимо, он скучал. Недолго думая, я направил-

ся туда, чтобы взять пива. И ни в коем случае не заговорить с незнакомцем, как это бывает в фильмах или даже книгах. Я никогда так не действовал. По крайней мере, пока был трезвым.

H-bomb for every h-word. Неужто и этому незнакомцу с хайром суждено оказаться одним из них? Его взгляд пробежал по мне, когда я заказывал коктейль «зелёная моча», лагер с мятным сиропом. Редкостное дерьмо, зато его можно тянуть дольше, а не в пару приходов.

Концерт вроде как начался, либо это был ещё только саундчек. Впрочем, какая разница.

– Эй ты, slack babbath, отойди с экрана! – толкнул я какого-то лохматого дрыща в клетчатой рубашке.

– Пошёл ты, клэн оф климакс! – недовольно обернулся он, но всё же дал мне обзор.

Действо на сцене продолжалось витиеватым нойзом, прилизанным примочками, купленными на мамкины деньги троих лоботрясов на сцене. Они думают, раз отрасли хайр, заплели дредлоки, проткнули мурло и запеленались мерчем – значит, всё, теперь они рокеры? Да чёрта с два! Приторный коктейль цвета скрижали Гермеса Трисмегиста не давал мне пить быстро. Следовательно, я не мог мгновенно прийти в стадию, когда начну бросать бутылки в сцену. Но вечер лишь начинался.

Тем временем эксцентричный блондин стоял и потягивал виски с колой. Мимо проходили зелёно пошатывающи-

еся тела, напоминающие хиппи после зомби апокалипсиса или битломанов, перелезших с кислоты на героин. Вибрации голубых жужжаний псевдостонира служили им инвалидной коляской, заполняя пространство вокруг на манер плотно-го геля. Ох, как бы они запели, если бы сейчас сюда ввалился наряд наркополицейских. С другой стороны, в моей крови тоже могли бы найти много интересного, если б не одно «но»: я был мёртв. Это могло бы напомнить сцену из второй части «Кладбища домашних животных».

У сцены стояла парочка. Стрёмный тип на серьёзных щах, комичный в потугах сойти за угрюмого металхеда, одетый в диайуайную темно-серую жилетку с патчами всяких ROCKSUCKERS и PISSED YOUTH. (Да, разумеется это не реальные названия, а иронизмы бесчисленного ньюскульного дерьма, разбавленного парой «сурьёзных» групп типа Hawkwind и Kyuss.) Патлатый модник приобнимал хихикающую подругу, не дающую отдыха мимическим мышцам. Хохотушка была одета примерно так же, как её пацан, только без патчей на жилетке и в футболке с надписью «suACIDE», а на худощавой заднице болталась барсетка с каким-то блэк-металлическим лого. Её накрашенные тёмно-бардовым тонкие губы не знали, что у жирных дядек из сладж групп причиндалы в два раза толще, чем тонкие ляжки её и её дружка вместе взятые. Наверное, она потому и ошивалась с дрыщами, чтобы её ненароком не раздавили.

И вот волосатый хер со сцены наконец-то расслабил ва-

режку перед микрофоном:

– Добрый вечер, чуваки и чувихи! Мы группа EYERATEGOD...

Твою мать, долбаные эйчворды окончательно спятили! Мало того, что это слишком пошлая калька, так ещё и без стеснения передающая суть этой отрывки «майспейсов» и прочего дерьма. Да по ним плачет музыкальная инквизиция.

– ...и сегодня мы разогреваем великих и ужасных CUNT MOTHER.

Настолько великих, что я о них не слышал, но про ужасных он прав – даже не слыша, я мог быть в этом уверен на всю тысячу процентов. И никакие десятки тысяч прослушиваний в их профиле меня бы не переубедили.

Патлато-дрыщеватая публика радостно вопила и аплодировала. Я посмотрел на блондина у стойки: кроме меня не хлопал только он, отстраненно втягивая коктейль. Он хоть и был похож на эйчворда, но сам его силуэт светился чем-то потусторонним и не свойственным для псевдодумстера.

Внезапный бластбит вызвал вспышку слэма, заставив меня отодвинуться вправо от танцпола, ближе к белобрысому незнакомцу.

Наконец мы заговорили, инициатива была его. Заметив моё недовольно выражение, он изрёк:

– Долбаные дети.

– Дааа.

– Помню, раньше здесь выступали настоящие «каменьщики».

– Вольные? – попытался пошутить я.

– Вольные устраивать ад на земле.

– Разве не этим сейчас занимаются те тинейджеры в слэме?

– Смотря, что для тебя ад.

– Ага, ну вот, например, Джастин Марлер из Sleep стал православным монахом. А группа почитаема как стариками сцены, так и малолетними позерами.

– Одно другому не мешает. – загадочно улыбнулся странный блондин, – он же был соиздателем зина «Смерть для Мира», основным мэсседжем которого было то, что материальный мир и есть ад.

– Не думаю, что совсем так. Они вместе с другими говорили о том, что мир – это источник страстей и, как следствие, страданий, а ад в православии – это место милосердия, где покоятся души с низкой светимостью, чтобы они не сгорели в божественном свете. Но ад – это состояние после смерти, а мир – это место, и оно здесь.

– Ну так и у тебя двойные мысли насчёт ада, дружище. Какое же милосердие творят эти черти в своих бесовских танцах?

– Да, ты прав.

– Давай-ка закажем выпить и покумекаем.

Я ответил одобрительным жестом, и мы двинулись к бар-

ной стойке. Напыщенный татуированный бармен в футболке с надписью MP3 SLAYER повторил виски-колу для моего собеседника и «зелёную мочу» для меня.

– Так как тебя зовут, Yonic South? – безумно осклабился блондин.

– Эй, полегче, парень. «Мохнаткин Юг» это точно не обо мне. Зови меня Дэд Зеппелин.

– Героиновый Джилл. – протянул краба волосатый.

– Приятно познакомиться. И что ты здесь делаешь, Джилл?

– Исследую метаморфозы местной сцены. И, сказать по правде, я недоволен.

– Критикуешь – предлагай! – с деланным поучением усмехнулся я.

– Да с радостью, только в соло это делать не интересно. Нужен хотя бы ещё один энтузиаст.

– О, это ты по адресу. Я как раз сегодня распустил свой бэнд.

– Вау. Дай-ка угадаю, вы лабали пост-позитив-панк или примеряли на себя тэг «нюу романтикс ревайвал»?

– Мне кажется, или ты настроен ко мне скептически? Разумеется, наши непотребства были не без налёта готики, но играли мы традиционный панк-рок.

– И что, ты хочешь играть «два топора»?

– Да нет же, к чёрту их. Я хочу играть, хм, как сказал этот Мистер Кил, «просто рок-н-ролл». Но, разумеется, необыч-

ный. Просто негоже снисходить до тэгопоклонничества.

– Да брось, парень. Они же сделаны просто для удобства.

– Конечно, мне ли не знать.

– Тогда не веди себя как те говнари, табуирующие слово на букву «пи». В том смысле, что никогда сами себя так не назовут. Поодиночке, по крайней мере, и при том всерьёз.

– Окей. Их впору называть писдэдами. Сокращение от «панк ис дэд».

– Ну-ну. Или с удвоенной «с», тогда это будет звучать как «ссанный дохляк».

Впереди нас роились незримые культы рукотворного шума, неумело кастрируемые примочками, купленными на деньги, сэкономленные от завтраков. Я потягивал голимый коктейль и осознавал, что сегодняшнее знакомство не было привычным пьяным трёпом, а претендует вылиться в предельно важную форму. Так всегда, когда не ищешь чего-то целенаправленно, бесконечно напрягая свой и без того беспокойный разум. По крайней мере, я это знал, но далеко не всегда практиковал, срываясь на обыденные ресантименты. Видимо, с моим уходом из жизни все однокоренные «бытию» слова канули в Лету, и теперь желаниям суждено было сбыться. Не закливаясь на лингвистических тупиках и оксюморонах, спустя несколько бокалов я просто выдавил:

– Я устал от всего этого дерьма. Оба любимых направления приелись в своём самом традиционном виде. И я вряд ли захотел бы сейчас исполнять их что в каноничной форме,

что в состоянии их кривых отражений.

Героиновый Джилл лишь ухмыльнулся, глотая виски:

– Неужто кое-кто проникся сегодняшними группами?

– Всё это ненужное дерьмо, понимаешь? Их блэк метал нужен только ради мерча, а мерч только для того, чтобы его надевали рэперы. Не смотря на весь стильный ужас, выглядит довольно оригинально, пока не становится массовым.

– И что, тебе нравится рэп?

– Вообще нет. Ну разве что пара танцевальных хитов, как и во всей поп-музыке. Но такая музыка нужна лишь для того, чтобы стадо размножалось.

– Ты хочешь сказать про гипнотические волны?

– Э-э, нет. Всё гораздо очевидней: это фон для танца, знаменующего дальнейшее совокупление и всего-то. В их лирике только и слов что об этом.

– Ну да, ведь все песни, как известно, о любви. – засмеялся Джилл.

– О, да. Даже если это горграйнд или rock against consumerism.

– Ага. Маньяки и драчуны тоже умеют любить, просто делают это немного по-другому.

– Вот только не надо мне лить это дерьмо про «ненависть – это тоже любовь» и так далее. Я устал от этого повсеместного псевдогуруизма.

– Окей. Пойдём лучше отсюда, возьмём пивка и выкурим косячок, бро!

– Вот это мне нравится уже куда больше.

Мы покинули клуб и зашагали в закат до ближайшего liquor store. Мне сразу вспомнился последний неудачный опыт покупки спиртного, вроде как оказавшийся сном. Это воспоминание потянуло за собой другое – о том, что я вроде как мёртв. Стало неприятно, и я затряс головой и телом так, что чуть не выронил сигарету. Джилл ухватил меня за плечо и спросил:

– Эй, дружище, с тобой всё в порядке?

– Да, просто чуть похолодело, невермайнд. – соврал я, для вида кутаясь в джинсовку.

– А, ничего страшного, у меня есть резон куда завалиться, вот только купим сперва бухла.

Через несколько шагов и поворотов по бетонному лабиринту, мы очутились у застекленных решетчатых дверей. Внутри небольшой лавки зелёным светлячком горела тусклая лампа, освещающая полки с алкоголем и закусками. Пожилой продавец-азиат пробил нам три сикспэка и пару упаковок чипсов. (Как символично – три шестёрки!) Убрал купленное в большой пакет, мы вернулись на улицу, где Джилл указал в сторону трущоб. Он улыбался, а на кончиках его пальцев виднелась пустыня, поросшая полынью и каменными развалинами. Но, разумеется, для панка это было зелёным светом. Таким же, как тот, что струился из магазина за моей спиной.

Шатаясь от выпитого, но постепенно трезвея, мы пересекли несколько мусорных куч, диких садов и полуразрушен-

ных зданий. Внезапно Героиновый Джилл, шедший впереди с пакетом, закинутым на плечо, остановился у заброшенного мотеля:

– Погнали!

Я, разумеется, не обломался. Бояться было нечего, кроме радости от проведенного времени. Тем более что может случиться с мёртвым.

Мы поднялись по боковой лестнице. Дойдя примерно до середины здания, мы остановились у двери с цифрой 13. Чёртова дюжина, как банально. Джилл толкнул дверь рукой, и она отворилась. Комната выглядела так, будто мы в ней не первые.

– Располагайся. – сказал он, включив лампу с причудливым торшером, откидывающим на стены психоделические тени.

Я опустился на край просевшего дивана и открыл банку пива, оглядываясь по сторонам. В углу пылился красный «телекастер», на порванных обоях висели музыкальные постеры, какие-то чёрно-белые фотографии, и даже изображение индуистского бога Ганеши. В противоположном углу тому, где стояла гитара, у окна серебрился синим шумом маленький гостиничный телевизор. Джилл тут же подошёл к нему и ударил кулаком по корпусу. На секунду изображение показалось и вновь исчезло. Это, по-видимому, огорчило светловолосого рокера: он открыл банку пива и плеснул в экран.

– Почему бы тебе просто его не вырубить?

– Я это только что и пытался сделать. – осклабился Джилл.

– Да нет, я про *выключить*.

– О, нет, кореш. Телевижн должен работать.

В памяти всплыли заветы одного эксцентричного музыкального идола. Телевизионный нойз вкупе с психоделическим торшером освещали замусоренную халупу в какой-то странной задумчивости и при том зловещей таинственности. Окурки, пачки из-под сигарет и чипсов, обрывки газет и использованные кондомы складывались в единый узор, гласящий о чём-то графическим кодом. Но, как и любое слово, он имел свой исключительный смысл для каждого отдельного зрителя.

– Ну так выпьем, друг. – протянул я к нему банку пива.

– Cheers! – отреагировал Джилл.

Мы оба выпили вприкуску с чипсами. Я закурил не спрашивая, ответ был очевиден, поэтому заговорил о более насущном:

– Ну так что,пустишь в дело красный телекастер?

Он улыбнулся, поглаживая отсутствующие усы и бороду, сумасшедше глядя куда-то вовне:

– Думаю да.

– Отлично, но ты так и не сказал, что ты хочешь играть.

– Да как пойдёт, главное начать.

– Как это банально, господи.

Он снова улыбнулся, закуривая сигарету.

Какое-то время мы так и сидели, в полнейшем тупняке, не зная, что сказать друг другу, потому что оба достигли того возраста и ментального состояния, когда и так всё понятно. Вероятно, ему не хотелось вообще ничего, как и мне, и он видел в возможности музицирования некую отсрочку ада на земле. Но это лишь очередная иллюзия, потому что музицирование есть продолжение того же самого ада: вторичная музыка и вторичные слова людей, которым ничего не нужно и не хочется. Есть ли у нас хоть что-то, о чём мы хотим сказать потенциальной публике? Семена шестидесятых – детей-цветов – слова любви – сменились криками, нет, стонами ненависти нулевых. Кошмарная стагнация, поджаривающая на медленном огне. Как похмельное солнце, истощно пробивающееся ранним утром сквозь плохо занавешенные окна, коррелирующая с такими же изматывающими похмельными снами и воспоминаниями о старых смазанных фильмах про пляжные курорты восьмидесятых. Где ещё черпать большее страдание в наше время, налитое в виде винтажного коктейля с ледяными кубиками грусти.

Героиновый Джилл тоже плавал в этом кошмаре 24/7. Он уже давно не парился об этом. В его голове отмер этот по-детски человеческий механизм, либо он отвык это показывать или воспринимать. На самом деле он не был джанки, и, по его словам, даже никогда не пробовал опиаты. Зато было много другого. Насквозь прокислоченный мозг вращал шарами безумных глаз, пока Джилл двигался по собствен-

норучно выделанному миру. Ему было не запаadlo рушить как Шива то, что было создано ранее. Он интуитивно видел в этом резон для дальнейших созданий. Поэтому был намного радикальнее меня в этих вещах. Меня, начавшего путь разрушения вокруг себя совсем недавно.

Телевизор всё так же шумел и рябил синью помех, и мог бы отражаться тем самым в микроволнах нашего пива, если бы оно было налито в бокалы. На какой-то момент они смогли бы поменяться местами, и телевизионный нойз оказался в бокалах, а золотистая пузырящаяся жидкость за стеклом кинескопа. Я предложил Джиллу поставить музыку, но он самонадеянно махнул рукой, взяв в руки гитару, и начал дёргать непослушные струны. Несколько минут подряд он давал испытание для моего мнения о его навыках, но потом вдруг заиграл залиvistую и тихую мелодию. Она как нельзя кстати пришлась к нашему общему видеоряду. Хотя, с чего это я решил, что общему, не зная, что творится в голове у этого психа. Возможно у него перед глазами уже давно летали летучие мыши и психеделические драгонфлаи, а весь мир распадался на фракталы атомов. Спустя пару гитарных мелодий и несколько глотков и затяжек он предложил затянуть косячок. Не будучи дураком отказываться, я принял предложение. Он достал его из нагрудного кармана клетчатой рубашки, одиноко висевшей на плечиках на стене, благодаря вколоченному в стену гвоздю.

Дурь оказалась забористой. Джилл откинулся на засален-

ную постель, не снимая своих ковбойских ботинок. Вернее, его обувь не была такой, но мне хотелось видеть в нём ковбоя во время этого странного прихода. Моё тело тоже устало и хотело прилечь, но я воспротивился этому позыву, чувствуя отвращение к ложу бродяг. Джилл словно прочёл мои мысли и с фразой «не ссы» во взгляде, бросил рядом с собой свою косуху подкладкой вверх. Теперь я уже не обламывался и грохнулся на неё, посмеиваясь о глупом моменте. Я достал из кармана свои тёмные очки и надел их, чтобы стало ещё кайфовее. Пёстрые цвета психоделического торшера боязливо ползли по стенам подальше от телевизионной за (как объяснил Джилл), и заглядывали сквозь мои тёмно-синие линзы. Интересно, что они пытались найти в чёрных океанах зрачков мертвеца? Неужто помочь им, выкрасив цветастой рябью грязной радуги, и вернув к жизни таким образом. Меня отвлёк звук чиркающей зажигалки вновь прикуривавшего сигарету Джилла, который принялся рассказывать о жизни. Тетрагидроканнабинол заставил его разоткровенничаться.

Но ничего сакрального он не рассказывал. Это не было началом биографии с «once upon a time». Джилл рассказал лишь о нескольких длительных периодах своей жизни, которые сделали его тем, чем он являлся в данный момент. Он повествовал настолько подробно, насколько это позволяло рассказу не быть занудным, и настолько внятно, насколько позволял его отравленный кислотой рассудок. Если бы я записывал его слова на диктофон и наложил на какой-ни-

будь психеделический джем его же авторства, то это могло бы стать произведением маргинального искусства с большой буквы «эй» (сид). Дёрти факин эйсид.

Самое раннее, о чём он рассказал из своей жизни, было его отрочество. Будучи тинейджером и живя ещё вроде как с родителями, он связался с плохой компанией – волосатых уличных романтиков. Рокеры научили его вредным привычкам, включая игру на гитаре. Джилл, которого тогда ещё звали по-другому, всецело отдался новым веяниям в его судьбе, едва ли осознавая возможную глубину губительных последствий.

Тех троих рокеров звали на манер трёх архангелов со спорной биографией – Азраил, Азазиль и Самаэль. Они все были крепкими, длинноволосыми музыкантами. Настоящие трубадуры преисподней, не признававшие экстремальные направления рока, за исключением хэви метала, не испорченного писсдэдскими трендами. Троица была скорее из ревнителей классической традиции, что отразилось также и на вкусах моего нового знакомого. И у них тоже была своя гаражная группа, с грозным названием *Serpent Egos*. Азраил был лид-гитаристом/вокалистом, Азазиль был за ритм-гитарой, а Самаэль сотрясал опоры материального мира за ударной установкой. Нового приятеля они сделали басистом, которого им не хватало, и в шутку дали ему имя, созвучное с остальными, и как отсылку за вспыхнувшую у него раннюю любовь к выпивке. Так Джилл стал частью группиров-

ки «Серпентигос», славящуюся в узких кругах любовью ко всему запрещенному.

Мрачные парни угарали по выхоленному собственной синкретической философией сатанизму, не чураясь проникновения в брошенные дома. Видимо, это заложило фундаменту и нынешним реалиям, в затхлом потоке коих плавал Джилл. Отважные в своём безумии рокеры разносили дома с заколоченными окнами, оставляя после себя хаос, впоследствии воспеваемый в песнях. В каждой постройке, не устоявшей под натиском их остервенелого бытия, они проводили от одной до нескольких недель. Серпентигос там же научили юного Джилла скиллам «тёмного скаута» – основам того, как подключаться к чужой электросети и канализации, не платя при этом денег и не будучи пойманным. Этот момент показался мне откровенно неправдоподобным, но я не был разборчив в таких вещах, поэтому не стал ставить под сомнения перлы рассказчика. Тем более, мы с ним находились в заброшенном мотеле, где чудом горели торшер, сломанный телевизор и, судя по звуку капель из душевой, имелась вода.

Потухший косяк вновь воспламенился, как и огонь слов Героинового Джилла. Я выдохнул дым, запивая новой порцией пива, настраиваясь слушать дальше. За окном выли не то бродячие собаки, не то койоты. Где-то меньше чем в миле отсюда стервятники клевали трупы, поджаренные яростью дневного солнца. А во время всего этого большинство жителей городка спали и видели свои спокойные сны

про долбаный офис, семью и гараж. Разумеется, не тот, который играли «сомнительные архангелы».

Серпентигос сквотировали дома не хуже панков, и не скучнее. Если зараженные политикой писдэды были больше настроены на созидание, превращая свои сквоты из крысиных нор в арт пространства, тем самым метаморфируя в эйчвордов, то хайрастые наркорокеры уничтожали всё на своём пути в психеделических оргиях. Туда же они зазывали и тёлочек, благодаря чему Героиновый Джилл быстро расстался с невинностью. К слову, как он сам поведал, тёлки тогда были ничуть не лучше относительно своих внутренних качеств – им просто нужна была тусовка, выпивка и мужское тело. Что ж, видимо это просто нужно принять и запомнить. Неразумные девицы охотно принимали участие в ритуалах сексуальной магии, устраиваемых инфернальными рокерами. В заброшенном доме всегда колыхалось море «муншайна», пива и наркотиков. В основном, Серпентигос предпочитали траву, но иногда не гнушались и повдера. Правда, от порошка были сильные отходняки, и здоровью это тоже не шло на пользу в самых неприятных проявлениях вроде потери зубов, поэтому три амигос редко принимали такие «лекарства». Но самое «интересное» началось после того, как Серпентигос открыли для себя весёлый мир психоделиков.

Серпентигос не просто «учили плохому» своего юного друга, а подходили к тёмному образованию со всей тщательностью сукиных отцов. После освоения баса он научился иг-

рать на гитаре, попутно изучая разные книги – от традиционных религиозных писаний до средневековых оккультных трудов. Сквозь кислотную призму полученные знания играли новыми красками, давая новое понимание и интерес к практикам. Оттуда же радужным джинном пришло и безумие.

Длинноволосые демонопоклонники решили создать культ, пророча ему стать очередной тоталитарной сектой. Благодаря своим антисоциальным лайфхакам они быстро нашли место для сакрального штаба и способ распространения агитации. Там же они сотворили своё детище – Астральную Библию – напечатанную на ворованной офсетной бумаге с помощью пары старых принтеров. Но экземпляры квазисвященного писания пылились в подполье, ожидая своего дня, пока Азраил, Азазиль, Самаэль и Джилл проводили свои лизергиновые оргии в застенках очередных заброшек, нещадно содомируя суккуб из ближайшего колледжа. Их они не агитировали то ли из-за сексистских предрассудков, то ли из-за духа перфекционизма, который не давал им начать проповедовать, хотя они и раньше это делали через чудовищные тексты своих песен. Но старая лирика меркла на фоне новых шизофренических опусов, и впредь они занимались лишь студийной работой, если так можно было назвать записи в наспех оборудованных сквотах. Джилл сказал, что, возможно, у него даже завалилось пару записей в сухом остатке от того, что впоследствии изъяла полиция.

Всё закончилось на удивление эффектно, но в то же время фатально. Первым «отъехал» Азраил. Его поймали, когда он рьяно «проповедовал» с балкона полузаброшенного общежития, вроде как собираясь взлететь на своих «крыльях». Он слишком далеко зашёл в своих психоделических экспериментах и был заключён в психиатрическое отделение, но при этом не сдал подельников. Весть об этом стала катализатором для двух оставшихся основателей культа – в кислотном безумии они решили, что их идеологические противники начали войну против них и пришло время действовать. Ключевым эпизодом стала смерть Азазиля – его спорный передоз трактовался нашедшими его копами как ритуальный суицид, а разъярённым Самаэлем как убийство со стороны противника. Помимо вечного психоделического опьянения его натолкнуло на эту мысль знание того, что покойный Эйз не употреблял того, чем можно было передознуться. Также он знал, что копы нашли при нём части пропаганды культа и уже начали рыть, поэтому оставшийся почти в одиночестве Сэм стал готовиться к приходу гостей. Джилла все они считали своим младшим братом, поэтому ни у кого не возникло мысли вваливать на него ответственную часть борьбы на данном этапе. Самаэль бы отправил его домой, будь тот рядом, но по стечению обстоятельств Джилл и так был не при нём.

Отравленный отчаяньем и жадной возмездия барабанщик сгрёб большинство бюджета культа и пошёл к каким-то

бандюкам за средствами обороны. Возможно они даже предложили бы ему помощь в виде наёмников, но он бы всё равно отказался ввиду того, что в «священной войне» должны участвовать исключительно основатели или адепты культа. Затарившись оружием, патронами и взрывчаткой, он ждал в засаде, коей служил сквот, разукрашенный всевозможными рунами и сигилами. Непонятно как, но копы и правда знали куда идти. Правда, они не были готовы к осаде, а просто хотели найти друзей мёртвого Эйза и задать им пару вопросов. Например, о том, причастен ли к ним свихнувшийся Азраил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.